

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА
“ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ
АННЫ КАРЕНИНОЙ”

Павел
Басинский

Подлинная история
Константина
Левина

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Толстой: новый взгляд

Павел Басинский

**Подлинная история
Константина Левина**

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1.09 Толстой Л.Н.
ББК 84(2Рос=Рус)1

Басинский П. В.

Подлинная история Константина Левина / П. В. Басинский —
«Издательство АСТ», 2024 — (Толстой: новый взгляд)

ISBN 978-5-17-149097-3

В новой книге Павел Басинский продолжает свое литературное расследование. Перечитывая самое загадочное произведение Льва Толстого, его черновики и дневники, Басинский пытается найти ответ на главные вопросы. Зачем в «Анне Карениной» нужен Константин Левин? Зачем Толстой отдает ему (с Кити и без нее) половину своего романа? Как Левин отражается в других героях романа – Облонском, Вронском, Анне и даже Каренине? Кто прототип Константина Левина? Сам Толстой или, как всегда, всё гораздо сложнее? Книга иллюстрирована фотографиями из архива Государственного музея Л.Н.Толстого и музея-усадьбы “Ясная Поляна”. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.161.1.09 Толстой Л.Н.

ББК 84(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-17-149097-3

© Басинский П. В., 2024

© Издательство АСТ, 2024

Содержание

От автора	6
Глава первая	8
Глава вторая	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Павел Басинский

Подлинная история Константина Левина

Пусть я, выпавший птенец, лежу на спине, пишу в высокой траве, но я пишу оттого, что знаю, что меня в себе выносила мать, высиживала, грела, кормила, любила. Где она, эта мать? Если забросили меня, то кто же забросил?

Л. Н. Толстой. Исповедь

“Редакция Елены Шубиной” благодарит Государственный музей Л.Н.Толстого и музей-усадьбу “Ясная Поляна” за помощь в подготовке издания; Большой театр за предоставленные фотографии из балета; а также киноконцерн “Мосфильм” и лично К.Г.Шахназарова за предоставленные кадры из фильма

В книге использованы фотографии агентства МИА “Россия сегодня”

От автора

Все читатели «Анны Карениной» делятся на две категории. Одни, их большинство, с интересом читают и перечитывают главы романа, где речь идет об измене Анны мужу, о ее любви к Вронскому, и трагический финал, которым завершилась эта любовь. И со скукой пролистывают «левинскую» часть, особенно места, где рассказывается о его одинокой жизни в деревне, сельскохозяйственных работах и т. д. В лучшем случае любят сцены охоты, действительно прекрасно написанными. Их также мало волнуют духовные искания героя в последней части романа, которые завершаются внутренними монологами о Боге, Церкви и проч., – на взгляд этих читателей, слишком невнятные и расплывчатые.

Другие читатели признаются, что именно страницы, посвященные жизни Левина в деревне, не говоря уже об истории его любви к Кити, их женитьбы, рождения их первенца и устройства домашнего быта в имении после свадьбы, являются для них самыми интересными. А вот история измены Анны несколько не трогает. Как и сама главная героиня.

Каждый вправе любить то, что он любит. Но и те и другие ошибаются, думая, что читают не один, а два романа, один из которых им нравится, а другой – нет. А в результате не читают ни одного. Этой ошибке почти полтора века.

Зачем нужен Константин Левин? Зачем Толстой отдает ему (с Кити и без нее) половину своего романа?

В этой книге я постараюсь доказать, что без Левина романа под названием «Анна Каренина» не существует. Или это плохой роман. Во всяком случае не роман Толстого.

P.S. В черновиках «Анны Карениной» иногда появляется буква «ё». Она там необходима, потому что бывает смысловая разница между одинаковыми словами, которые пишутся через «е» или через «ё». Но «ё» нет в написании фамилии Левин ни в черновиках, ни в прижизненных публикациях романа.

Это к вопросу о том, как произносить эту фамилию. Был ли он Левин или Лёвин? Он был Левин. Впрочем, по воспоминаниям близких Толстого, он не возражал против произнесения фамилии героя через букву «ё». Но не настаивал на этом.

Со времен княгини Екатерины Дашковой, пытавшейся еще в 1783 году законодательно внедрить букву «ё» в русскую орфографию как обязательную, прошло почти два с половиной века. Буква «ё» в качестве обязательной не прижилась. И даже фамилия ее знаменитого современника графа Потемкина-Таврического при его жизни и после печаталась через «е», хотя произносилась, разумеется, через «ё».

Яснополянские крестьяне называли Толстого Лёв Николаевич – это характерная тульская огласовка. Так же к нему обращался, например, его друг и критик Н.Н.Страхов. Но утверждать, что Левин – непременно Лёвин, – это своеволие. Как и намекать, что Левин – еврейская фамилия, а Лёвин – русский дворянин. Левин – такая же еврейская фамилия (от левитов), как и коренная русская дворянская. Как, кстати, и крестьянская, потому что крестьян тоже, хотя и редко, по святцам называли Львами, а их дети становились Левиными.

Словом, произносите, как вам лично нравится. Но печатать в тексте фамилию Левина через «ё» – это чистый произвол, не совпадающий с волей автора великого романа.

P.P.S. Критики моей книги «Подлинная история Анны Карениной» упрекали меня в том, что в ней слишком много цитат из романа. Они занимают если не половину, то третью часть текста. Зачем? Ведь роман и так может прочитать каждый.

Я сам являюсь противником слишком длинных цитат. То, что можно пересказать, не нужно цитировать. К тому же цитаты замедляют чтение. Но в случае с романом Толстого

цитаты неизбежны. Нельзя комментировать толстовский текст, одновременно не предъявляя его оригинал. Не говоря уже о том, что лишний раз перечитать хотя бы фрагменты романа – это большое наслаждение, которого я не хочу лишать своего читателя.

В качестве еще одного оправдания напомним известные слова Осипа Мандельштама из его «Разговора о Данте»: «Цитата есть цикада. Неумолкаемость ей свойственна. Вцепившись в воздух, она его не отпускает».

Глава первая зачем левин?

В апрельской книжке журнала «Вестник Европы» за 1878 год вышла статья Александра Станкевича – брата публициста и мыслителя 30-х годов, товарища Белинского, Тургенева и Бакунина Николая Станкевича. Она называлась «Каренина и Левин» и печаталась с продолжением в двух номерах. Начиналась она в стиле критических статей того времени – неторопливо, с заходом в прошлое.

«Всею памятно, – писал Станкевич, – то тяжелое испытание, которому подвергалась публика целых три года, когда последний роман графа Л.Н.Толстого то появлялся, то исчезал, то снова показывался на страницах „Русского вестника“. Встреченный живым интересом и сочувствием читателей, он в этот долгий срок породил между ними разнообразные и нередко противоречивые впечатления, и интерес не всегда одинаково сопровождал длинное развитие обширного романа. Внимание иногда утомлялось, иногда возбуждалось снова, иногда терялось в недоумениях, иногда было вполне увлечено прекрасными эпизодами романа».

Одной из главных причин такого неровного впечатления от романа Станкевич не без иронии считал чрезмерную «щедрость» автора. «Автор обещал нам в своем произведении „Анна Каренина“ один роман, а дал – два. Параллельно с романом, героиней которого является Анна Каренина, развивается в произведении автора, живет и даже переживает первый – совсем другой роман, героем которого остается Константин Левин».

«Между тем, – писал Станкевич, – главы одного романа пересекаются в произведении автора главами другого, но развитие каждого из них идет своим чередом, без внутренней связи с развитием другого, нарушая единство произведения автора и цельность производимого им впечатления».

Прошло полтора века, но по-прежнему вопрос «зачем Левин?» остается. Зачем автор сделал два романа в одном? Ведь «левинская» часть занимает половину текста произведения, название которого все-таки «Анна Каренина». После того как Анна бросается под поезд, следует еще восьмая часть, где про самоубийство Анны, а также про отъезд Вронского на войну в Сербию с желанием погибнуть говорится всего на нескольких страницах. Затем на протяжении целой заключительной части романа мы погружаемся в переживания Левина-помещика и тонкости его отношений с Кити.

Но не той трепетной Кити, которая в начале романа была одновременно увлечена и Вронским и Левиным и сделала первый в своей жизни неправильный выбор. И не той Кити, которая, то бледнея, то краснея, принимала второе объяснение Левина в любви, отгадывая слова по начальным буквам на ломберном столике. И не той Кити, которая в муках рожала своего первенца. Перед нами, будем откровенны, не слишком интересная Кити. Наверное, такой же была ее сестра Долли, когда вышла за Стиву и непрерывно рожала детей, не задумываясь над тем, зачем она это делает. Но Долли, по крайней мере, ожидала романная драма – известие об измене мужа. Это сделало ее такой же несчастной, как Алексей Александрович Каренин. А вот у замужней Кити и драмы не предвидится. Ведь ее супруг такой правильный, такой добродетельный...

Духовных исканий мужа Кити не понимает. (Как, впрочем, не понимаем и мы, настолько они зыбки и расплывчаты.) В хозяйстве она тоже ничего не смыслит. (Как, впрочем, не смыслим и мы, если не являемся специалистами по сельскому хозяйству второй половины XIX века.)

Так для чего все это? Зачем этот огромный кусок романа в виде восьмой части?

Интересна история ее публикации. Издатель «Русского вестника» Михаил Катков отказался ее печатать. Это вызвало ярость Толстого и разрыв с журналом, где вышли не только «Анна Каренина», но и «Война и мир». Но Катков не напечатал восьмую часть не потому, что сама по себе «левинская» история ему не нравилась. Катков в первую очередь был издателем. Любую книжку «Русского вестника» с продолжением невероятно успешного романа Толстого рвали бы из рук, повышая тираж журнала. Но у Каткова были свои политические игры с правительством и общественным мнением. Да и свои убеждения. Он был не согласен с тем, что в восьмой части Левин вместе со старым князем Щербацким осуждают русское добровольческое движение во время сербско-турецкой войны середины 70-х годов.

Вопрос был политический и тонкий. Хотя правительство официально не поддерживало добровольцев, но и не осуждало и не препятствовало им. В 1877 году, когда в журнале Каткова печатались последние главы седьмой части «Анны Карениной» и обещалось ее продолжение, Россия официально объявила войну Турции.

Толстой, отрицательно относившийся к добровольцам, объявление войны Турции воспринял не то чтобы с энтузиазмом, но с живым интересом. Он писал тетушке-фрейлине А.А.Толстой: «Как мало занимало меня сербское сумасшествие и как я был равнодушен к нему, так много занимает меня теперь настоящая война и сильно трогает меня». Выскажу предположение, что в бывшем боевом офицере проснулись гордость и память о поражении русских в Крымской войне, когда на его глазах турки с франко-британскими союзниками брали пылающий Севастополь. Добровольческое движение его не трогало, но победы России в «настоящей» войне поручик в отставке Толстой, думаю, все-таки хотел.

Окончание седьмой части «Анны Карениной», где героиня в конце последней главы бросается под поезд, появилось в апрельской книжке «Русского вестника». И в апреле же Россия вступила в «настоящую» войну с Турцией. «Эпилог», который затем стал восьмой и заключительной частью романа в отдельном издании, уже лежал на столе у Каткова. И там осуждалось добровольческое движение, которое было прелюдией к «официальной» войне.

Положение Каткова было сложным.

В письмах он уговаривал автора убрать или хотя бы смягчить эти фрагменты. Но Толстой соглашался только на комментарии от редакции. Как сейчас принято указывать: «Мнение автора может не совпадать с мнением редакции». Но Каткову этого было мало. А Толстой закусил удила. Он писал Н.Н.Страхову: «Оказывается, что Катков не разделяет моих взглядов, что и не может быть иначе, так как я осуждаю именно таких людей, как он, и, мямля, учтиво просит смягчить то, выпустить это. Это ужасно мне надоело, и я уже заявил им, что если они не напечатают в таком виде, как я хочу, то вовсе не напечатаю у них, и так и сделаю».

Как было поступить Каткову? В апрельской книжке уже было объявлено об окончании романа в майской, а печатать его по политическим соображениям – никак нельзя! И Катков поступил хитро. В майском номере журнала вместо окончания романа появилось письмо от редакции:

«В предыдущей книжке под романом „Анна Каренина“ выставлено: „Окончание следует“. Но со смертью героини роман, собственно, кончился. По плану автора следовал бы еще небольшой эпилог, листа в два, из коего читатели могли бы узнать, что Вронский, в смущении и горе после смерти Анны, отправляется добровольцем в Сербию и что все прочие живы и здоровы, а Левин остается в своей деревне и сердится на славянские комитеты и на добровольцев. Автор, быть может, разовьет эти главы к особому изданию своего романа».

Катков поступил нехорошо. Самое неприятное в этом редакционном письме было то, что «со смертью героини роман, собственно, кончился». Это как бы заведомо лишало смысла его продолжение. Кроме того, Катков, выражаясь сегодняшним языком, дал читателям «спойлер» еще не опубликованной восьмой части, что снижало ее ценность для будущей публикации.

Разгневанный Толстой написал два варианта возмущенного письма в газету «Новое время», но по неизвестным причинам его не отослал. В первом варианте он язвительно спрашивал, зачем журнал вообще печатал этот роман, если мог его просто пересказать в таком духе: «Была одна дама, которая бросила мужа. Полюбив гр. Вронского, она стала в Москве сердиться на разные вещи и бросилась под вагон». Каткову же была отправлена телеграмма: «Прошу обратно выслать оригинал эпилога. С „Русским вестником“ вперед дела иметь никогда никакого не буду».

Неприятная история имела свое продолжение. Возмущенное письмо от имени якобы неизвестной читательницы, подписанное инициалами Г.С.***, в «Новое время» отправила жена Толстого Софья Андреевна. И оно было опубликовано.

В свою очередь, рассерженный Катков, понимая, что его репутация издателя пострадала, в июньской книжке «Русского вестника» напечатал свою критическую статью о восьмой части романа, которая уже вышла отдельным изданием. Статья называлась «Что случилось по смерти Анны Карениной».

«Роман остался без конца и при „восьмой и последней“ части. Идея целого не выработалась. Для чего, всякий может спросить, так широко, так ярко, с такими подробностями выведена перед читателями судьба злополучной женщины, именем которой роман назван? Судьба эта остается мастерски рассказанным случаем очень обыкновенного свойства и послужила только нитью, на которую нанизаны прекрасные характеристики и эпизоды. Но если произведение не доработалось, если естественного разрешения не явилось, то лучше, кажется, было прервать роман на смерти героини, чем заключить его толками о добровольцах, которые ничем не повинны в событиях романа. Текла плавно широкая река, но в море не впала, а потерялась в песках. Лучше было заранее сойти на берег, чем выплыть на отмель».

Толстой с волнением ждал статью Каткова, прослышав о ней еще до публикации. Прочитав ее, он писал Н.Н.Страхову: «Прочел я статью „Русского вестника“ и очень подосадовал на эту уверенность наглости и безнаказанности, на сознание своей ни перед чем не имеющей отступить наглости, но теперь успокоился».

Нет, не успокоился...

В январе 1878 года он получил письмо от педагога С.А.Рачинского. Прочитав «Анну Каренину» в полном виде, Рачинский писал: «Последняя часть произвела впечатление охлаждающее, не потому, чтобы она была слабее других (напротив, она исполнена глубины и тонкости), но по коренному недостатку в построении всего романа. В нем нет архитектуры. В нем развиваются рядом, и развиваются великолепно, две темы, ничем не связанные».

Как бы автор письма ни подслащивал пилюлю, суть его недовольства была очевидна. И она полностью совпадала с тем, что писали Станкевич и Катков. В романе нет «архитектуры». Он распадается на два романа, которые между собой ничем не связаны. Для романиста – это провал!

Ответ Толстого Рачинскому тоже был выдержан в вежливых тонах, но раздражение в нем все-таки чувствуется: «Суждение ваше об А<нне> Карениной мне кажется неверно. Я горжусь, напротив, архитектурой – своды сведены так, что нельзя и заметить, где замок. И об этом я более всего старался. Связь постройки сделана не на фабуле и не на отношениях (знакомстве) лиц, а на внутренней связи. Поверьте, что это не нежелание принять осуждение – особенно от вас, мнение которого всегда слишком снисходительно; но боюсь, что, пробежав роман, вы не заметили его внутреннего содержания. Я бы не спорил с тем, который бы сказал, *que me veut cette sonate*¹, но если вы уже хотите говорить о недостатке связи, то я не могу не сказать – верно

¹ «Какое мне дело до этой сонаты!» (*фр.*) – восклицание французского писателя Фонтенеля, перешедшее в поговорку. Выражение нетерпения и досады, когда приходится выслушивать что-то монотонное и скучное.

вы ее не там ищите, или мы иначе понимаем связь; но то, что я разумею под связью, – то самое, что для меня делало это дело значительным, – эта связь там есть – посмотрите – вы найдете».

Рачинский с ним не согласился. В ответном письме он вновь указал на отсутствие в романе «архитектуры»: «Мы спорим о словах, любезный граф Лев Николаевич. Я не думал отрицать внутренней связи между двумя параллельными рассказами, составляющими Ваш роман. Но более, чем связь, это – полное единство, ибо развиваются две стороны одной и той же мысли. Упрек мой относился именно к архитектуре внешней, которою я дорожу, по свойственному мне в делах искусства староверству. Я не считаю единство фабулы простою *ficelle*², но могучим средством для воплощения единства мысли».

Сегодня все эти споры автора со своими критиками могут показаться праздными. Допустим, нет «архитектуры». Ну и что? Все равно «Анна Каренина» признана одним из главных мировых шедевров. Одних только ее экранизаций насчитывается более сорока.

Но проходит 150 лет после окончания публикации романа в «Русском вестнике», и российский режиссер Карен Шахназаров поступает даже более решительно, чем Михаил Катков. Создавая многосерийную киноверсию «Анны Карениной», он полностью отказывается от «левинской» части романа. В интервью газете «Культура» заявляет:

«Прямо скажу, линия Левина меня никогда не интересовала. На мой взгляд, в ней нет драматургии, умозрительные рассуждения о неких идеальных отношениях. Напротив, история Анны, Каренина и Вронского на удивление живая, страстная и правдивая».

Вот так... Левин не нужен. Без него драматургия романа ничего не теряет. Тогда зачем нужен Левин? Ради самого Левина?

В фильме «Кин-дза-дза» Георгия Данелии есть ключевая фраза, которую время от времени повторяют разные персонажи: «Скрипач не нужен». В самом деле, зачем нужен юный скрипач Гедеван Александрович, который случайно оказался вместе с главным героем фильма Владимиром Николаевичем Машковым на чужой планете? Все инопланетяне считают его никому не нужным «пацаком», который только портит все дело.

Но попробуйте от него избавиться – и волшебная атмосфера фильма исчезнет. Он превратится в фантастический экшен о выживании одинокого землянина на чужой планете.

Не так все просто в искусстве... Иногда случайные персонажи не менее важны, чем главные.

Но вопрос-то остается. Зачем нужен Левин, если не считать роман о нем отдельным романом, не связанным с «Анной Карениной». Это предположение было бы искусительным. Треугольник Анна – Каренин – Вронский – отдельно, Левин и Кити – отдельно.

Однако Кити все-таки принимает некоторое участие в завязке интриги «Анны Карениной». Она влюблена во Вронского и отказывает Левину. Потом отправляется на бал и там получает первый женский опыт, не совпадающий с девическими представлениями о жизни. Оказывается, женщины, даже близкие к ее семье, даже в некотором роде старшие подруги, которые только что, глядя тебе в глаза, расхваливали твоего жениха, могут его на твоих же глазах соблазнить. Добавим, что роль Кити на балу очень важна. Она первой замечает «дьявольскую» природу красоты Анны. Но продолжим линию Кити с точки зрения классической романной «архитектуры». После вероломного поступка Анны и Вронского Кити, как сказали бы сегодня, впадает в депрессию и вместе с родителями едет на воды в Германию.

Романы XIX века должны были нести в себе какое-то нравоучение. На водах Кити знакомится с некой Варенькой, образцом протестантской этики, и понимает, что служение другим людям, больным, одиноким и несчастным, гораздо важнее ее эгоистических страданий из-за потери красивого жениха. Потом она несколько корректирует свой взгляд на Вареньку, на религию вообще, возвращается в Россию и...

² Веревка, шпагат (*фр.*).

И снова появляется «правильный» Левин. Его функция в романе очевидна. Его любовь к Кити – не плотская, а духовная. Именно так понимал эти две пары – Анна – Вронский и Кити – Левин – абсолютно далекий от нравочений Владимир Набоков. В своей лекции об «Анне Карениной» он говорил: «Женитьба Левина основана на метафизическом, а не физическом представлении о любви, на готовности к самопожертвованию, на взаимном уважении. Союз Анны и Вронского основан лишь на физической любви и потому обречен».

Набоков вырос до революции в благополучной аристократической семье. Возможно, здесь сработало именно это обстоятельство. Но примем его версию, которую разделяет большинство читателей романа, даже те, кого «левинская» часть не волнует, как Карена Шахназарова. Анна и Вронский – «плохая» пара, Кити и Левин – «хорошая». Однако под «плохой» парой можно понимать разное. Хосе и Кармен – «плохая» пара. Их отношения заканчиваются тем, что любовник убивает свою любимую. Но эта история, как и история Анны и Вронского, волнует читателей всего мира. Ромео и Джульетта – «хорошая» пара, но итог их любви тоже трагический, потому что плох этот мир. И эта история тоже до сих пор волнует этот «плохой» мир.

Общее в этих парах одно. История должна закончиться трагически. Нет трагедии – нет драматургии. А нет драматургии – нет интереса. Если нет интереса, а есть только нравочение, то история отношений Кити и Левина в романе «Анна Каренина» должна была быть минимальной. Вернувшись с вод (и лучше без утомительной истории с Варенькой), Кити второй раз получает предложение руки и сердца от Левина. Он простил ее, потому что не эгоист. И он все это время любил ее и думал о ней. А она – думала о нем, потому что поняла, кто есть кто. Ломберный столик оставим, ведь эта сцена так хороша! Оставим и сцену венчания – она так мила! И отправим молодых в Покровское, пожелав им счастья, долгой жизни вдвоем и много детей. И пусть эта пара, как в средневековом театре, светлым полотном останется задником сцены, на фоне которого будет разыгрываться трагедия под названием «Анна Каренина».

Для нравочительного романа такой контраст был бы законным. Но в этом случае Левин никак не мог бы претендовать на половину текста романа, потому что это мешало бы развитию основной интриги. Но Толстой зачем-то пошел на это, да еще и настаивал, что гордится архитектурой романа.

Итак – зачем Левин?

Глава вторая Левин и Ленин

Левин – «беззаконная комета» в «кругу расчисленных светил» героев романа. Если верить дневникам Софьи Андреевны Толстой, в изначальном замысле Анна была *исключительной* героиней, а все остальные лица – спутниками ее планеты.

Впервые идея «Анны Карениной» возникла за три года до работы над романом. «Вчера вечером он мне сказал, – пишет Софья Андреевна в дневнике 24 февраля 1870 года, – что ему представился тип женщины, замужней, из высшего общества, но потерявшей себя. Он говорил, что задача его сделать эту женщину только жалкой и не виноватой и что как только ему представился этот тип, так все лица и мужские типы, представлявшиеся прежде, нашли себе место и сгруппировались вокруг этой женщины».

Так и происходит в романе. Все лица и мужские типы группируются вокруг Анны. Она одна является истинной *героиней*, а все остальные становятся героями только благодаря ей. Они ведут себя, соотнося свою жизнь с ее поступком.

Кроме Левина. Его жизнь идет независимо от Анны, если не считать того, что Анна коварным поведением на балу отчасти способствовала его женитьбе на Кити. Но Вронский и так бы на Кити не женился. Это Толстой отчетливо дает понять еще до встречи Вронского с Анной в вагоне поезда. Но если бы Вронский на ней не женился, то, по понятиям XIX века, ее репутация невесты была бы подорвана и без всякого участия Анны. В московском обществе были уверены, что Вронский вот-вот сделает девушке предложение. В этом была почти уверена и мать Кити. Но Вронский вернулся бы в Петербург к своим армейским товарищам, а Кити с матерью остались бы у разбитого корыта.

Отъезд семьи Щербацких за границу был связан не только с душевной болезнью Кити, но и с желанием на время спрятать девушку от слишком выразительных взглядов московских матрон и их дочерей. Левин, сделавший Кити повторное предложение, несмотря на обиду, которую она ему нанесла, поступал не только по любви, но и как благородный человек. Однако это был исключительно его выбор. И он никак не зависел от Анны.

Нетрудно заметить, что Левин – единственный из важных персонажей «Анны Карениной», который знакомится с Анной только в самом конце *ее* романа, в седьмой части. Знакомится случайно, потому что Стиве в винном подпитии вздумалось повезти Левина из Английского клуба к своей сестре. Стивой движут братские чувства, ведь с его сестрой никто из «приличных» людей не общается. С другой стороны, он поступает нехорошо, потому что знает о беременности своей свояченицы и о том, что знакомство Анны с Левиным ей точно не понравится. Толстой не раз указывает на то, что, как бы Кити ни была счастлива с Левиным, она *не простила* Анне ее поведения на балу. Мол, *такое* женщины не прощают.

Левин при первой и единственной встрече с Анной был очарован ею. Впрочем, она сильно постаралась для этого, используя свои женские чары и приемы. Например, разговаривая со Стивой и своим издателем (Анна написала книгу для детей), она на самом деле обращается к Левину, намекая, что только он в этой компании ей интересен. Безотказный прием обольщения! Заметим также, что Левин, как и Стива, прилично выпил в Английском клубе. Так что произвести на него впечатление такой женщине, как Анна, было нетрудно.

Дальнейшее известно. Левин вернется к Кити, расскажет ей о встрече с Анной, она по его глазам все поймет и устроит истерику. Проговорив всю ночь, они помирятся.

На самом деле это один из самых странных и загадочных финальных эпизодов романа. Зачем он?

Ко времени встречи с Анной Левин уже знаком со всеми главными персонажами. Со Стивой они давние приятели. Долли как женщину и мать он чуть ли не боготворит. С Вронским они знакомятся в самом начале романа, в доме Щербацких, после неудачного предложения Левина Кити. С Карениным они случайно оказываются в одном отделении вагона, когда Каренин едет в Москву по делам и чтобы устроить развод с женой, а Левин возвращается с медвежьей охоты. Потом они еще раз встречаются – в доме Щербацких, когда Левин второй раз делает предложение Кити.

Светский круг был тесен не только в Москве и Петербурге, но и при выездах за границу. Эти люди были связаны друг с другом, как мухи в патоке. Находясь на водах, Кити, еще не будучи женой Левина, знакомится с его братом Николаем, который болен чахоткой. Потом она вместе с Левиным, уже ставшим ее мужем, будет присутствовать при смерти Николая в провинциальной гостинице. В тот день, когда он умрет, она узнает от доктора о своей беременности. Зачем Толстому понадобилась эта линия?

Ответ вроде бы прост. Это сама жизнь в ее непредсказуемости. Но не все так просто. Почему-то роман Толстого устроен так, что Левин «непредсказуемо» знаком со всеми главными героями, кроме Анны. Да, Левин живет в основном в деревне, а Анна – в Петербурге, за границей или в Москве. Но что мешало им «непредсказуемо» познакомиться в начале романа в Москве, когда они были там одновременно? Что мешало им «непредсказуемо» и совершенно «случайно» встретиться за границей? Ведь и Левин туда выезжает.

Наконец, имение Левина Покровское находится в семидесяти верстах от имения Вронского, где Анна с любовником проводят целое лето. Долли потребовался неполный световой день, чтобы доехать из Покровского в Воздвиженское и пообщаться с Анной, которую она, несмотря ни на что, любит и которой благодарна за то, что она когда-то помирила их со Стивой. Левин в это время встречается с Вронским в губернском городе на дворянских выборах, у них обоих есть «шары» от своих уездов. Левин любопытен по части устройств чужих имений. И казалось бы... Два соседа. Вместе участвуют в дворянских выборах. Но имениями не сообщаются. Не потому ли, что там находится Анна, а встречаться с ней ни Кити, ни Левину не с руки. И опять что-то мешает познакомиться двум главным героям романа. Или героям двух романов?

Но обратимся к черновикам.

Чтение черновиков «Анны Карениной» – занятие не для слабонервных. Когда младшая дочь Толстого Александра Львовна вместе с братом Сергеем Львовичем в 20-е годы стала разбирать рукописи отца, готовя полное собрание сочинений, она была изумлена... У нее создалось впечатление, что черновики писал какой-то другой человек.

Мало того, что Толстой путается в именах, в одной и той же фразе называя одного героя разными фамилиями. Он путается во временах, в возрасте героев, в количестве их детей. Впрочем, эта особенность романа осталась и в чистовой редакции. Но главное – стиль, стиль! Разницу между черновиками и окончательной редакцией нельзя даже сравнить с разницей между эмбрионом и ребенком. Это – разница между уродцем и красавцем.

В окончательной редакции «Анны Карениной» появление Вронского у Щербацких и впечатление, которое он производит на Кити, описано скупо, но с несравненной художественной правдой.

[о]: *«Это должен быть Вронский», – подумал Левин и, чтоб убедиться в этом, взглянул на Кити. Она уже успела взглянуть на Вронского и оглянулась на Левина. И по одному этому взгляду невольно просиявших глаз ее Левин*

понял, что она любила этого человека, понял так же верно, как если б она сказала ему это словами³.

Шедевр! Впечатление, которое производит на влюбленную девушку появление в гостиной ее молодого человека, показано глазами уже немолодого мужчины, который сам влюблен в эту девушку, но только что получил от нее отказ.

А вот черновик. Здесь граф Вронский еще именуется Удашевым.

[ч]: *Она была так увлечена Удашевым, он был так вполне предан ей, так постоянно любовались ею его глаза, что губы ее не развивались, а, как кудри, сложились в изогнутую линию, и на чистом лбу вскакивали шишки мысли...*

Вот на вечер к Щербацким приехал Стива (в окончательной редакции его там не будет). Здесь Левин еще назван Ордынцевым.

[ч]: *Ордынцев уже собирался уехать, как приехал Стива, легко на своих маленьких ножках неся свой широкий грудной ящик.*

«Шишки мысли» на голове прекрасной девушки из окончательной редакции исчезли, превратившись в очаровательную морщинку на лбу, когда на катке Кити задумалась, не зная, как ей вести себя с Левиным. А вот «грудной ящик» Стивы остался, но без этих смешных «маленьких ножек», которые делали из Облонского какого-то уж совсем карикатурного типа:

[о]: *«Там видно будет», – сказал себе Степан Аркадыч и, встав, надел серый халат на голубой шелковой подкладке, закинул кисти узлом и, вдоволь забрав воздуха в свой широкий грудной ящик, привычным бодрым шагом вывернутых ног, так легко носивших его полное тело, подошел к окну, поднял стору и громко позвонил.*

В первых черновых набросках отсутствовали Левин и Щербацкие. А вот «божественная Кити» уже была. Но не та Кити, в которую будет влюблен еще не существующий Левин. Это – сестра Алексея Александровича Каренина, который еще именуется Михаилом Михайловичем Ставровичем. В результате эта Кити превратится в Лидию Ивановну – духовную подругу Каренина. Каким образом из «божественной» Кити родилась бесцветная моль в образе Лидии Ивановны – еще один секрет творческой кухни Толстого.

Исследователь черновых вариантов «Анны Карениной» Н.К.Гудзий по разнице в цвете чернил определил, что в первоначальных черновиках романа не было ни Левина, ни Щербацких. «Они фигурируют лишь в планах, приписанных позднее на полях, где будущий Левин большею частью зовется Ордынцевым».

Итак, Левин (Ордынцев) все-таки появляется в первых черновых набросках, но в качестве персонажа, *приписанного позднее между строчек и на полях*. К этому времени в голове автора вокруг Анны (пока Татьяны Ставрович) уже сгруппировались все мужские лица, готовые выполнять свои служебные функции в романе. И вдруг в текст нахально вбегает Левин, абсолютно не нужный для развития основного сюжета.

«В набросках планов, – отмечает Н.К.Гудзий, – написанных позже, на полях только что рассмотренной рукописи, а также *поперек ее текста* (курсив мой. – П.В.), намечены дальнейшие проекты развития сюжета романа. Тут фигурируют Левин, большей частью пока под фамилией Ордынцев, а также Кити Щербацкая».

Одного сюжета с изменой Анны (Татьяны) Каренину (Ставровичу) и последующими за этим событиями Толстому показалось мало. И он придумал Левина (Ордынцева) и Кити Щербацкую, которую любит Левин (Ордынцев), а она любит Вронского (Балашова, Удашева,

³ Здесь и далее цитаты из романа маркируются буквами [ч]: (черновик) и [о]: (оригинальный текст). Оригинальный текст романа цитируется по: Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22 т. М.: Художественная литература, 1978–1985. Т. 8, 9.

Гагина, Вроцкого, *etc.* – Толстой долго искал подходящую фамилию для мужчины, которого способна полюбить такая женщина, как Анна). Но Вронский влюбится в Анну. И закрутится более сложный сюжет, в котором Левину пока еще отводится незначительная роль неудачника в любви.

И возникает вопрос.

Когда Толстой придумал Ордынцева, пририсовав его имя на полях и *поперек* начальной рукописи, он уже знал, что Ордынцев – это *Левин*, то есть – он сам, *Лев* Толстой? Он знал, что, приглашая Ордынцева в роман об Анне, он, по сути, приглашал в него самого себя в качестве героя? Не говорю даже главного героя, каковым затем станет Левин. Но просто – *героя*?

Любопытно, что и к фамилии Левин Толстой пришел не сразу. Одним из вариантов после Ордынцева был *Ленин*. Этот самый Ленин иногда соседствует с Левиным в одном предложении черновика. Это говорит о том, что либо Толстой писал это в рассеянном состоянии ума (порой черновики наводят на такую мысль: например, в одной из редакций поезд с Анной прибывает в Москву... из Москвы), либо он не сразу решил связать фамилию героя со своим именем. Так сказать, подарить ему свое «отцовство».

Теперь представим себе, что было бы, если бы Левин остался Лениным. Очевидно, что вождь большевиков Владимир Ульянов не взял бы себе такую партийную кличку. Это было бы просто смешно ввиду невероятной популярности романа Толстого. И тогда не было бы Владимира Ильича Ленина, марксизма-ленинизма и города Ленинграда. Блокада Ленинграда называлась бы как-то иначе. Так одна буква в фамилии романного героя изменила бы ключевые имена, названия и понятия советской истории.

Итак, Ордынцев... Еще не Левин. И даже не Ленин. Просто персонаж, который, допустим, понадобился Толстому для расширения романа и который в результате тоже должен был как-то сгруппироваться вокруг Анны, как остальные мужские лица. Что это за человек? Насколько он интересен?

В черновиках Толстой постепенно старил своего героя: 26 лет, 30 лет... Пока не довел его до нужной кондиции – 32 года, как в окончательной редакции. Кити, напротив, молодеда – из 20-летней девушки превратившись в 18-летнюю; 32 года и 18 лет почти в точности совпадают с историей женитьбы 34-летнего Толстого на 18-летней Сонечке Берс. Стало быть, Толстой не сразу пришел к решению отождествить себя с Левиным.

В черновиках Ордынцев, когда он обретает плоть и кровь, а не просто остается в планах на полях ранних рукописей, меняет свою фамилию на Нерадова. Фамилия – «говорящая». Человек не умеет радоваться жизни. Однако этот Нерадов – вполне жизнерадостный тип. Даже слишком жизнерадостный.

В раннем замысле Толстого Нерадов был приятелем не Стивы, как Левин, а Гагина, одного из вариантов будущего Вронского. И они оба влюблены в Кити, но пока не знают о чувствах друг друга. Позднее Ордынцев возненавидит Удашева (в которого превратится Гагин) как своего соперника. Ни о каких приятельских отношениях между ними речи быть уже не может.

Приехав в Москву, Нерадов останавливается у Гагина. Матери Гагина он не нравится, как в окончательной редакции романа он не будет сначала нравится матери Кити княгине Щербацкой. Почему? По той же самой причине: неотесанный «деревенщина».

«Что он всё такой же грязный?» – презрительно спрашивает Гагина его мать. И не мудрено. У Нерадова, приехавшего в Москву, «грязные, оборванные чемоданы».

Левин, приезжая в Москву, одевается в сюртук, пошитый у лучшего французского портного. Как это делал и Толстой, когда приезжал в Москву из Ясной Поляны.

Нерадов, каким его изображает Толстой в черновой редакции, совсем не похож на Левина, каким он станет в окончательном тексте. Это какой-то шут гороховый...

[ч]: *И стройный широкий атлет с лохматой русой головой и редкой черноватой бородой и блестящими голубыми глазами, смотревшими из широкого толстоногого лица, выскочил из-за перегородки и начал плясать, прыгать через стулья и кресла и, опираясь на плечи Гагина, подпрыгивать так, что казалось – вот-вот он вспрыгнет ногами на его эполеты.*

В дальнейших черновиках Нерадов снова становится Ордынцевым. Но это мало меняет его характер. Это все тот же карикатурный молодец из какого-то анекдота. Вариант остановки у Гагина меняется на «номер» гостиницы, но и здесь он поигрывает мускулами и занимается легкой атлетикой со слугой.

[ч]: *Ордынцев засмеялся ребяческим смехом и поднял и подкинул Елистрата.*

Изумительной, наполненной тончайшей психологией сцены встречи Левина и Кити на катке в Зоологическом саду нет в сохранившихся черновиках. В Зоологическом саду Ордынцев (он же Ленин в одном предложении) демонстрирует на сельскохозяйственной выставке свою телку «русского завода»:

[ч]: *В одном из таких домиков стоял Ленин перед стойлом, над которым на дощечке было написано: телка Русского завода Николая Константиновича Ордынцева, и любовался ею, сравнивая ее с другим знаменитым выводком (видимо, от слова «выводить». – П.Б.) – завода Бабина. Чернопегая телка, загнув голову, чесала себе задней головой за ухом.*

Не будем смеяться над очевидной опиской Толстого, где задняя нога поменялась с головой и стала чесать сама себя. Хотя неряшливость Толстого в черновиках порой изумляет. Важно, что в окончательной редакции Толстой, повинувшись инстинкту великого художника, перенес эту телку из Москвы в деревню, сделав ее дочерью любимицы Левина коровы Павы. И все встало на свои места. А в Зоологическом саду Левин встретится с Кити на катке, и это будет одна из самых прекрасных сцен в романе, которую так любят кинематографисты.

Толстой в черновиках как бы «прощупывал» характер своего героя, явно примеряя его на самого себя.

Ордынцев – все-таки непростой характер. За его молодечеством и мускулатурой атлета скрывается натура гордая, но уязвимая, неуверенная в себе. Здесь отчетливо проступают черты Левина в окончательной редакции. И даже в черновиках эти черты, может быть в силу их схематичности, проступают более выпукло.

Ордынцев – сирота. Он не знал отца и матери. У него есть младший брат, над которым он держит опеку, но нет сводного, как у будущего Левина. Как и будущий Левин, он тоже мечтает о женитьбе, придавая ей огромное значение, видя в ней чуть ли не главный смысл жизни. Но требования его к будущей невесте чрезмерно высоки:

[ч]: *Но подчинится ли она (Кити Щербачкая. – П.Б.) моим требованиям? Она хороша, среда ее глупая московская светская. Правда, она особенное существо. Та самая особенная, какая нужна для моей особенной жизни. Но нет ли у ней прошедшего, не была ли она влюблена? Если да, то кончено. Идти по следам другого я не могу.*

Кити не была влюблена в прошедшем. Она сейчас влюблена. И не в Ордынцева, а в Удашева. И очень скоро Ордынцев об этом узнает. Больше того, он это предчувствует. И знает, что он Кити за это не простит:

[ч]: *Его мучала мысль об невыносимом оскорблении отказа, в возможность которого он ставил себя.*

Тем не менее, когда он идет к Щербацким делать предложение Кити, душа его поет.

[ч]: *Никогда после Ордынцев не забыл этого полчаса, который он шел по слабо освещенным улицам с сердцем, замиравшим от страха и ожидания огромной радости, не забыл этой размягченности душевной, как будто наружу ничем не закрыто было его сердце; с такой силой отзывались в нем все впечатления. Переход через Никитскую из Газетного в темный Кисловский переулок и слепая стена монастыря, мимо которой, свистя, что-то нес мальчик и извозчик ехал ему навстречу в санях, почему-то навсегда остался ему в памяти. Ему прелестна была и веселость мальчика, и прелестен вид движущей[ся] лошади с санями, бросающей тень на стену, и прелестна мысль монастыря, тишины и доживания жизни среди шумной, кипящей сложными интересами Москвы, и прелестнее всего его любовь к себе, к жизни, к ней и способность понимания и наслаждения всем прекрасным в жизни.*

Тем больше будет удар, нанесенный ему Кити, и тем глубже душевная рана, которая останется на всю жизнь, как и воспоминание о том, как на крыльях любви летел он к Щербацким, и все ему казалось «прелестным». Но как только в доме Щербацких появится Удашев, он все поймет.

[ч]: *В ту же минуту, хотя была неправда, что она знала, кого выберет до сих пор, она узнала, что это был Удашев, и ей жалко стало Ордынцева. Он был весел, развязан, и при представлении друг другу Удашев и Ордынцев поняли, что они враги, но маленький ростом, хотя и крепкий, Удашев стал утончен, учтив и презрителен, а силач Ордынцев неприлично и обидчиво озлоблен.*

Здесь есть еще один щепетильный момент. В окончательной редакции романа ничего не говорится о финансовом состоянии дел Щербацких. Мы можем только догадываться, что выдать трех дочерей замуж было непросто. Долли в качестве приданого получила имение Ергушево, которое Стива пытается продать в конце романа, чтобы расплатиться с долгами. До этого он за бесценок продает лес жены, что возмущает рачительного хозяина Левина. Не только Долли с детьми, но и старые княгиня и князь Щербацкие лето проводят в Покровском у Левина, что подразумевает невиданное количество зарезанных цыплят и покупки разной снеди на рынке, потому что прокормить такую ораву непросто. Этот «щербацкий элемент» раздражает Левина. Он нарушает его планы на тихую, уединенную жизнь с Кити в деревне.

В черновике все просто и понятно. Кити – бесприданница. Старый князь Щербацкий в прошлом был заядлым игроком и промотал все состояние семьи. Выдавать младшую дочь нужно за обеспеченного человека. И Ордынцев знает об этом.

[ч]: *Состояние у него было среднее, независимость для одного, 10, 12 тысяч дохода на его долю; но у нее, у Кити Щербацкой, почти ничего не было. Но об этом он не позволял себе думать. Что-то было унижительное для его гордости думать, что деньги могут мешать выбору его жизни. «Для других 12 тысяч мало, но для меня, – думал он, – это другое. Во-первых, жизнь моя семейная будет совсем не похожая на все жизни, какие я вижу. Будет другое. Потом, если б нужно сделать деньги, я сделаю».*

Тем не менее выбор матери Кити в пользу Вронского, который, по словам Стивы, «баснословно богат», хотя и не проясняется до конца в романе, но имеющий глаза увидит. Удашев – богат. В сравнении с ним Ордынцев – средней руки помещик.

Мы не будем подозревать прекрасную Кити в меркантилизме при выборе жениха и поверим в искренность ее чувств к Удашеву (Вронскому). Но все-таки не будем забывать, что она

– дочь своей матери, а в черновиках – еще и дочь разорившегося отца. И в черновиках, и в окончательной редакции между Кити и ее матерью царит полное взаимопонимание. Они слышат друг друга без слов.

[ч]: *Как ни много горя было у старой Княгини от старшей дочери, собиравшейся оставить мужа, этот предстоящий брак радовал ее, и мысль о том, чтобы он разошелся, пугала ее. Она ничего прямо не советовала дочери, не спрашивала ее, примет ли она или нет предложение, – она знала, что тут нельзя вмешиваться; но она боялась, что дочь, имевшая, как ей казалось, одно время чувство к Левину и подававшая надежды, из чувства излишней честности не отказала Удашеву. Поэтому она холодно встретила Ордынцева и почти не звала его. Когда она осталась одна с дочерью, Княгиня чуть не разразилась словами упреков и досады.*

– Я очень, очень рада, – сказала Кити значительно. – Я очень рада, что он (Левин, Ордынцев. – П.Б.) приехал. – И взглянула на мать, и потом, оставшись одна, она сказала ей, успокаивая ее: – Я рада тому, что нынче все решится.

– Но как?

– Как? – сказала она задумавшись. – Я знаю как; но позвольте мне не сказать вам.

А вот окончательная редакция:

[о]: *Как ни горько было теперь княгине видеть несчастье старшей дочери Долли, собиравшейся оставить мужа, волнение о решавшейся судьбе меньшей дочери поглощало все ее чувства. Нынешний день, с появлением Левина, ей прибавилось еще новое беспокойство. Она боялась, чтобы дочь, имевшая, как ей казалось, одно время чувство к Левину, из излишней честности, не отказала бы Вронскому и вообще чтобы приезд Левина не запутал, – не задержал дела, столь близкого к окончанию.*

– Что он, давно ли приехал? – сказала княгиня про Левина, когда они вернулись домой.

– Нынче, мама.

– Я одно хочу сказать, – начала княгиня, и по серьезнооживленному лицу ее Кити угадала, о чем будет речь.

– Мама, – сказала она, вспыхнув и быстро поворачиваясь к ней, – пожалуйста, пожалуйста, не говорите ничего про это. Я знаю, я все знаю.

Кити «все знает». Поэтому визит Ордынцева (и будущего Левина) в дом Щербацких обернется мужским позором. Но в черновиках автор все-таки щадит своего героя. Ордынцев даже не успевает сделать Кити предложение и получить отказ. Он уходит посрамленным, но не до такой степени. А вот в окончательной редакции Левин выпьет чашу позора до дна. Он получит от Кити отказ, потом увидит Вронского, сравнит себя с ним и поймет, кто есть кто в глазах Щербацких. И Кити – тоже.

В черновиках Толстой показывает, как гордый, но закомплексованный Ордынцев меняется на глазах, когда понимает, что проиграл сражение с Удашевым. Только что все ему казалось «прелестным»: и он сам, и Кити, и все люди. И вот уже он «озлоблен», «окрысился». Он «презрительно» смотрит на Удашева, хотя тот перед ним не виноват. И все это видят, потому что скрыть своей слабости он не может:

[ч]: *Удашев, чтоб говорить что-нибудь, начал о новой книге. Ордынцев и тут перебил его, высказывая смело и безапелляционно свое всем противоположное мнение. Кити, собирая сборками лоб, старалась*

противуречить, но Нордстон (графиня, гостя в доме Щербацких и подруга Кити. – П.Б.) раздражала его, и он расходился. Всем было неприятно, и он чувствовал себя причиной.

Проговорим это отчетливо: Левин (Ордынцев) – крайне неприятный тип. Он вломился в чужой монастырь со своим уставом и злится, что этот устав не нравится другим людям. Он не может скрыть раздражения от того, что люди живут не так, как он считает правильным. А как жить правильно, он сам до конца не знает. Все его мучения отражаются на его лице, слышны в его речах. Он и рад бы их скрыть – но не может. И от этого он еще более жалок. В окончательной редакции Кити не любит Левина. Она его только жалеет.

Кити – добрая и честная девушка. И сейчас, и позже она испытывает еще и чувство вины. Ведь, по сути, они с матерью поступили с Левиным так же, как Вронский поступил с Кити.

Но испытывать чувство вины перед мужчиной не значит его любить. Анна тоже испытывает чувство вины перед Карениным, но не любит его. В этом Левин и Каренин – близкие типы.

Безусловно, Вронский ведет себя аморально, заигрывая с Кити, вызывая ее на ответные чувства, при этом не собираясь на ней жениться:

[о]: В Москве в первый раз он испытал, после роскошной и грубой петербургской жизни, прелесть сближения со светскою милою и невинною девушкой, которая полюбила его. Ему и в голову не приходило, чтобы могло быть что-нибудь дурное в его отношениях к Кити. На балах он танцевал преимущественно с нею; он ездил к ним в дом. Он говорил с нею то, что обыкновенно говорят в свете, всякий вздор, но вздор, которому он невольно придавал особенный для нее смысл. Несмотря на то, что он ничего не сказал ей такого, чего не мог бы сказать при всех, он чувствовал, что она все более и более становилась в зависимость от него, и чем больше он это чувствовал, тем ему было приятнее и его чувство к ней становилось нежнее. Он не знал, что его образ действий относительно Кити имеет определенное название, что это есть заманиванье барышень без намерения жениться...

Но насколько морально ведут себя Щербацкие, привечая Левина в доме, где одна за другой подрастали три дочери: Долли, Наталья и Кити? Ведь то, чего не знает Вронский, прекрасно знают Кити и ее мать. Приглашая Левина в свой дом, где он бывал часто, позволяя ему наедине общаться с Кити, они занимались *заманиванием жениха*. И Кити, скорее всего, не отказала бы Левину, если бы на ее горизонте не появился Вронский.

Светский. Блестящий. И о-очень богатый! Во всех отношениях – более выгодный жених.

Конечно, это уязвляет самолюбие Левина. Но не только в этом его проблема. «Нелюбимый ты какой-то!» – говорит казак Ерошка князю Оленину в ранней повести Толстого «Казачьи». Вот и Левин какой-то «нелюбимый».

И что с этим поделать?

Вернувшись от Щербацких в гостиницу, Ордынцев падает на кровать и рыдает:

[ч]: «Отчего, отчего, – думал он, – я всем противен, тяжел? Не они виноваты, но я. Но в чем же? Нет, я не виноват. Но ведь я говорил уже себе; но без них я не могу жить. Ведь я приехал. – И он представлял себе его, Вр[оцкого], счастливого, доброго, наивного и умного. – Она должна выбрать его. А я? Что такое? Не может быть, гордость! Что-нибудь во мне не так».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.